

Поволяева А.Н.

ЯЗЫК – СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ

В последнее время всесторонне обсуждается проблема взаимосвязи культуры, языка и сознания: проводятся всевозможные исследования языковой картины мира у носителей определённого языка, создаются ассоциативные словари разных языков, дающие богатый материал для изучения особенностей восприятия действительности в рамках той или иной культуры. Современным исследователям интересен не человек вообще, а человек в языке. Дело в том, что язык – единственное средство, способное помочь проникнуть в скрытую от сферы ментальность, ибо он определяет скрытую сферу членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается.

Актуальны в данной области исследования работы В.А. Масловой, М.С. Каган, Ю.А. Сорокина, Е.М. Вещагина, В.Г. Костомарова, С.Г. Тер-Минасовой, Е. Бартминского, Н.В. Уфимцевой и др.

Целью нашей работы является определение языка как составной части культуры.

Задачи работы: 1. Рассмотреть способность языка отражать культурно-национальную ментальность его носителей; 2. Рассмотреть понятия языковая картина мира, стереотип, гештальт в лингвокультурологическом аспекте;

3. Рассмотреть понятия этнической и национальной культур и отношения между ними.

Язык – составная часть культуры и её орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнажённом виде специфические черты национальной ментальности. Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания [2, с. 9].

Как заметил К. Леви-Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – фактор формирования культурных кодов.

Бесспорно, языки культуры многообразны. Ведь «по сути своей культура полиглотна» (М. С. Каган). Каждый язык культуры имеет свои особенности, он непередадим адекватно ни на один другой язык. «Множество языков нужно культуре именно потому, – утверждает М. С. Каган, – что её информационное содержание многосторонне богато и каждый специфический информационный процесс нуждается в адекватных средствах воплощения» [3, с. 23].

Большое значение в понимании связи языка и культуры имеет теория Сепьера-Уорфа: во всех случаях расхождения содержательной стороны соответствующих слов различных языков различаются также и понятия у носителей этих языков. То есть, можно сказать, что каждый язык формирует у его носителя определённый образ мира, представленный в языке семантической сетью понятий, характерной именно для данного языка: и ассоциативные эксперименты, и трудности, возникающие в межкультурном общении и при переводе, доказывают это. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что проблемы взаимодействия людей все более прочно сращиваются с проблемами обучения языку. Становится очевидной невозможность решать какие-либо педагогические или методические задачи вне опоры на различные области психологии.

Признание тесной связи языка с действительностью, обществом, цивилизацией присутствует в филологии (как науке, изучающей культуру разных народов) и философии едва ли не с момента их возникновения. Ещё Платон обсуждал вопрос, являются ли слова орудиями познания и связаны ли они с внеязыковой действительностью. Впоследствии Аристотель совершенно определённо выводил значение слов за пределы языка. Обсуждения степени социальности языка философами, признание тесного взаимодействия языка и действительности продолжают непрерывно вплоть до настоящего времени. "Тезис социальности языка следует понимать как диалектическое единство языка и культуры, языка и общества. В любой момент развития культуры обслуживающий её язык отражает её полностью и адекватно" [1, с. 18].

Культурно-этнический компонент, отражающий так называемую "языковую (наивную) картину мира" его носителей как факт обыденного сознания, воспринимается пофрагментарно в лексических единицах языка, однако, сам язык непосредственно этот мир не отражает. Он отражает лишь способ представления (концептуализации) этого мира национальной языковой личностью, и поэтому выражение "языковая картина мира" в достаточной мере условно: образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, скорее схематичен, поскольку его фактура сплетается преимущественно из отличительных признаков, положенных в основу категоризации и номинизации предметов, явлений и их свойств, и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определённого естественного языка.

Отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как орудие культуры (что не одно и то же). Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система, т.е. отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике.

Поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры, и тем самым служат средством представле-

ния основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Культура соотносена с языком через концепт пространства.

Каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Значит, каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «наивная картина мира», то как «языковая репрезентация мира», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира». Последний термин наиболее распространён.

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определённая языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Рассмотрим явление гештальтов. Теория языковых гештальтов была выдвинута Дж. Лакоффом, а затем признана другими учёными. Гештальты – это особые глубинные содержательные единицы языка. Помимо реализации в языке гештальты составляют основу восприятия человеком действительности, направляют познавательные процессы, определяют специфику и характер моторных актов и т.д.

Глубинность гештальтов относительно языка проявляется в нескольких аспектах. Так, на поверхностно-языковом уровне один и тот же гештальт может реализовываться как разные смыслы, и только специальные изыскания могут установить их единство. Дж. Лакофф показал, что спор и война описываются в одних и тех же терминах, и значит, одинаково мыслятся, т.е. связываются с одним и тем же гештальтом.

Итак, гештальты суть универсальные представления, принадлежащие глубинам человеческой психики вообще, лежащие вне категориальных рамок естественного языка, т.е. это содержательные величины трансцендентного: гештальты лежат непосредственно за гранью высказываемого и органично с ним связаны [4, с.89–96].

Понятие «языковой картины мира» неотделимо от понятий народ, этнос, нация и пониманием национального характера личности. Что определяет принадлежность людей к тому или иному народу, что сплавливает людей?

Объединяющей и цементирующей силой является его история, которая сохраняется в социальной памяти, в культуре. Исторический переход обуславливает необходимость понятия «народ» в двух контекстах:

- народ как этническая (этногенетическая) общность;
- народ как этносоциальная общность.

Этнос – социальная группа, членов которой объединяет этническое самосознание, которое формируется на основе его представлений о своём происхождении, о генетической связи с другими представителями этой группы.

Рассмотрим понятия этническая и национальная культура. Этническая (народная) культура – наиболее древний слой национальной культуры, охватывает, в основном, сферу быта, обычаи, особенности одежды, народных промыслов, фольклора и т.д.

Национальная культура – более сложное образование. Она есть- разновидность субкультуры, совокупность символов, верований, убеждений, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют духовную жизнь человеческого существа в той или иной стране, государстве [8, с. 123].

Этническая культура – исходное начало национальной. Но национальная культура не сводится к этнической. Её богатство формируется на основе письменности и образования, воплощается в социально-политическом и технологическом развитии общества, литературе и искусстве, философии и науке.

Отношения между этнической и национальной культурой весьма сложны и противоречивы. Этническая культура является источником народного языка, сюжетов, образцов для искусства и т.д. Но этническая культура консервативна, ей чужды перемены, в то время как национальная культура постоянно находится в движении. И чем более открыта национальная культура для связи, диалога с другими культурами, тем она богаче, выше развита. И если этнические культуры стремятся сохранить различия между локальными, местными особенностями культуры, национальные их нивелируют. Культурный процесс, развитие науки и техники – всё это сближает народы, стандартизирует условия их жизни.

А что такое национальный характер? Существует ли он вообще? Насколько правомерно обобщение типичных черт в масштабе целого народа, когда хорошо известно, что все люди – разные? Английская пословица на эту тему гласит: It takes all sorts to make a world [Мир составляют люди разного сорта]. Русские аналоги этой пословицы можно определить так: сколько людей – столько и мнений; на вкус и цвет товарищей нет и др.

Человек – носитель определённой национальной ментальности и языка, участвующий в совместной деятельности (и что особенно важно – речевой деятельности) с другими представителями национальной общности.

В понимании языка как части культуры имеет также значение рассмотрение феномена «стереотип». Сам феномен «стереотип» рассматривается в работах разных исследователей с точки зрения лингвистики, социологии, этнографии, психологии, психолингвистики.

Слова стереотип, стереотипный имеют негативную окраску во многих языках, так как определяются через слово шаблонный, в свою очередь определяемое как, избитый, лишенный оригинальности и выразительности. Это не вполне справедливо по отношению к слову стереотип вообще, а в контексте проблем межкультурной коммуникации – в особенности. При всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок. "Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира"[6].

В лингвокультурологии термин стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, т.е. понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира». Такое понимание стереотипа встречается в работах Е. Бартминского и его школы; языковая картина мира и языковой стереотип относятся у него как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определённому объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей. В.А. Маслова же считает языковым стереотипом не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и т.д.: *лицо кавказской национальности, седой как лунь, новый русский*. Употребление таких стереотипов облегчает и упрощает общение, экономя силы коммуникантов [4, с. 141–145].

Ю.А. Сорокин определяет стереотип как некоторый процесс и результат общения (поведения) согласно определённым семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технических принципов, принятых в некотором социуме. При этом семиотическая модель реализуется на социальном, социально-психологическом уровнях (стандарт) или на языковом, социально-психологическом уровнях (норма). Стандарт и норма существуют в двух видах: как штамп (избыточно эксплицированный сложный знак) или как клише (недостаточно эксплицированный сложный знак) [5, с.16].

Существуют автостереотипы, отражающие то, что думают люди сами о себе, и гетеростереотипы, относящиеся к другому народу, и как раз они более критичны. Например, то, что у своего народа считается проявлением расчётливости, у другого народа – проявлением жадности. Люди воспринимают этнокультурные стереотипы как образцы, которым надо соответствовать, чтобы «люди не смеялись». Поэтому стереотипы оказывают довольно сильное влияние на людей, стимулируя у них формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе.

Можно отметить, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчёркивают у себя такие качества, как ум, деловитость, предприимчивость, а нации с более отсталой экономикой – доброту, сердечность, гостеприимство.

В основе формирования этнического сознания и культуры в качестве регуляторов поведения человека лежат как врождённые, так и приобретаемые в процессе социализации факторы – культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определённым этносом, определённой культурой и осознавать себя их элементом.

Мы живём в мире стереотипов, навязанных нам культурой. Совокупность ментальных стереотипов этноса известна каждому его представителю.

Наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются так называемые международные анекдоты, то есть анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми чертами их национального характера, которые приписывают им на родине анекдота.

Люди разных народностей, стран и континентов пользуются одной и той же техникой, пьют одни и те же лекарства, ездят на машинах одних и тех же марок, смотрят одни и те же передачи телевидения и т.д. Приобщение к благам цивилизации ведёт к утрате национальной специфики. Тем важнее развитие искусства, художественной культуры, воплощающей в художественных образах национальные традиции, черты национального характера.

Итак, стереотип характерен для сознания и языка представителя культуры, он своего рода стержень культуры, её яркий представитель, а потому опора личности в диалоге культур.

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990.
2. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. – М., 1998.
3. Каган М.С. Философия культуры. – СПб, 1996.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. – М., 1998.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. www.abroad.ru 2000.
7. Уфимцева Н.В., 1996 – Русские: опыт ещё одного самопознания// Этнокультурная специфика языкового сознания, М., 1996. – с. 139-162.
8. Энциклопедический словарь по культурологии. – М., 1997.

Языковая картина мира, стереотип, гештальт, этническая и национальная культура.

The language picture of the world, stereotype, geshtalt, ethnic and national culture.